

«ковырять, крошить, отдирать когтями» (Даль 2, 143; Фасмер 2, 198). Употребляемый в речи, данный глагол воспринимается как разговорный. Это подчёркивает восприятие героя, носящего данное имя, как не слишком умного человека, которому нельзя доверять.

К таким же прямоговорящим именам можно, на наш взгляд, отнести онимы *Чуб* и *Пацюк*. Слово *чуб* в данном контексте имеет следующее значение: «То же что и оселедец, в старину у запорожцев: длинная прядь волос, оставляемая на бритой голове, на темени» (О., 461). Фамилия одного из главных героев повести подчёркивает национальную принадлежность отца Оксаны, содержит сведения о его прошлой жизни или жизни его родителей.

Слово *пацюк* (укр. *пацюк*) имеет всем хорошо известное значение «поросёнок» (Фасмер 3, 222). Пузатый *Пацюк* в повести имеет «небольшой рост, в ширину довольно увесист», т.е. он явно похож на поросёнка. Национально-культурная специфика этого имени проявляется в том, что для именования героя выбрана украинская лексема.

Таким образом, «национально-культурная окраска названных имён как бы обрамляет эмоциональные, оценочные, экспрессивные, стилистические компоненты, обусловленные национально-культурной сферой» (8, с. 71).

Особым коннотативным потенциалом обладает имя главной героини повести *Солоха*. Имя *Солоха* имеет скрытую оценочность, связанную с пониманием этимологии данного слова, значений омонимичных апеллятивов. Украинское *солоха* имеет значение «ведьма», кроме того, *солоха* «неопрятная, косматая женщина», «русалка» (Фасмер 3, 714).

М. Фасмер связывает это имя с греч. Саломея. Имя Саломея носила дочь царя Ирода Антипы, которая потребовала в награду за свою неистовую пляску голову Иоанна Крестителя. Т.е., имя *Солоха*, несмотря на явную симпатию автора и читателей к носительнице данного онима в повести, имеет явно выраженную негативную окраску.

Таким образом, антропонимические коннотации «Вечеров на хуторе близ Диканьки» национально окрашены. Проявляясь в языке и речи, такая коннотация вызывает в сознании носителей языка отнесённость имени к определённому культурному пространству, указывает на национально-культурные стереотипы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973.
- 2 Толстой, Н.И. О предмете этнолингвистики и её роли в изучении языка и этноса / Н.И. Толстой // Арёальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос): Сб научн. трудов. – Л., 1983. – С.181-190.
- 3 Исаева, З.Г., Исакова, Х.Ф., Подольская, Н.В. Теория и методика ономастических исследований. Дискуссия / З.Г. Исаева [и др.]. – М., 1991.
- 4 Флоренский, Павел. Имена / Павел Флоренский. – Кострома, 1993.
- 5 Буштян, Л.М. Ономастическая коннотация: На материале русской советской поэзии: АКД: (10.02.01) / Л.М. Буштян. – Одесса, 1983.
- 6 Петровский, Н.А. Словарь русских личных имён / Н.А. Петровский. – М., 1980.
- 7 Зубкова, Л.И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С.65-73.

Т.А. Осипова (Беларусь)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЧУВСТВА, В ПОЭМЕ Н.В.ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Человеческий язык служит не только орудием мышления, но и способствует формированию и выражению чувств. Перед лингвистами, по определению В.А.Масловой, «встает чисто когнитивная задача – выявить, в какой степени прямо и точно язык отражает наши чувства, насколько выразительный потенциал языка вообще способен отразить наше эмоциональное состояние» [1, с.227]. Наиболее важные для человека понятия, отражающие чувства, эмоции, В.А.Маслова называет эмоциональными концептами [1, с.227]. Мы исследуем языковое выражение таких концептов в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души» [2],

поскольку в художественном тексте концепты имеют особенно интересное словесное воплощение за счет особенностей мировосприятия гениального мастера слова.

В тексте поэмы «Мертвые души» вербализуются такие концепты, как *счастье, радость, горе, грусть (печаль), тоска, гнев, страх (ужас), любовь*, а также связанные с ними *смех и слезы*.

Прежде всего нужно сказать о том, что для Н.В.Гоголя чувства имеют очень важное значение, это признак живой человеческой души. Вот что говорит он о Плюшкине: *И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то **теплый луч**, выразилось не чувство, а какое-то бледное **отражение чувства**, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки, - появление было последнее. Глухо все, и еще страшнее и пустынное становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще **бесчувственной и еще пошлее** [2, с.122]* (здесь использовано характерное для стиля Гоголя развернутое сравнение). И далее писатель призывает: *Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, **забирайте с собою все человеческие движения**, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!* [2, с.123-124].

Что же такое для Гоголя *счастье*? Это концепт выражает чувство, пожалуй, наиболее важное для каждого человека. В лирическом отступлении автор высказывает свое видение счастья писателя: ***Счастлив писатель**, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печально своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека [...]. Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, - всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь [...]* [2, с.128-129]. Здесь Гоголь прямо заявляет, что он как писатель не имеет счастья. Счастье, по мнению автора, есть у того человека, у которого есть свой кров и семья: ***Счастлив путник**, который после длинной скучной дороги [...] видит наконец знакомую крышу [...]. **Счастлив семьянин**, у кого есть такой угол, но горе холостяку!* [2, с. 128]. Счастлив человек, который служит какой-либо прекрасной цели, его счастье усиливается до состояния блаженства: ***Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятирится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство**, и входит он глубже и глубже в бесконечный **рай своей души*** [2, с.236]. Бывает и другого рода счастье – везение в житейских делах. О таком счастье мечтает Ноздрев: *... Будь только на твоей стороне **счастье**, ты можешь выиграть... Вот она! Экое **счастье!** – говорил он, начиная метать. [...] – Экое **счастье!** Экое **счастье!*** [2, с.79]. Радость – не такое сильное и возвышенное чувство, как счастье. Радость часто охватывает Манилова, меняя его физический облик: *У Манилова от **радости** остались только нос да губы на лице...* [2, с.135]. У Плюшкина радость вызывают деньги: *... Вскрикнул Плюшкин, не замечая от **радости**, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак* [2, с.119]. Здесь и далее радость предстает как существо (возможно и одушевленное), над которым человек не имеет полной власти: *Но не прошло и минуты, как эта **радость**, так **мгновенно показавшаяся** на деревянном лице его, так же **мгновенно и прошла**, будто ее вовсе не бывало, и лицо его приняло заботливое выражение* [2, с.119]; *...**Не мог скрыть своей радости**... [2, с.120]. Радость вызывает у человека различные физические реакции: Но герой наш и без часов был в самом веселом расположении духа. [...] Всю дорогу он был весел необыкновенно, **посвистывал, наигрывал губами**, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец **затянул** какую-то **песню**, до такой степени необыкновенную...* [2, с.126].

Героями поэмы владеют и сильные негативные чувства. Во-первых, это присущая русским *тоска*. Н.В.Гоголю представляется, что тоску навевают бескрайние пространства Руси и выражается она в песнях, часто предстает как живое существо: *Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя **тоскливая**, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? [...] Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?* [2, с.115]; *Ну, что тут хорошего, - думал Платонов, - в этой заунывной песне? От ней еще большая **тоска находит на душу*** [2, с.296]. Во-вторых, это *горе, гнев, грусть*, которые могут переплетаться

между собой: ...*Тайная тихая грусть подступала ему под сердце...* [2, с.261]; *И, не в силах будучи удерживать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал...* [2, с.358] (здесь *грусть* выступает как живое существо); *Он был в горе, в досаде, ... сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей...* [2, с.232]. Эмоции, как известно, представляются в языковой картине мира как некое жидкое тело. Когда человек не испытывает сильных чувств, говорят, что его сердце окаменело и т.п. Кроме того, интенсивные эмоции часто предстают в облике огня; некоей стихии [3, с.91-92]. *Горе, гнев, а также страх и тревога вызывают у героев поэмы физические реакции, для обозначения которых используются глаголы, называющие состояние, в том числе в составе сравнений: Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, побледнела как смерть и, точно, перетревожилась не на шутку* [2, с.179]; *Инспектор врачебной управы вдруг побледнел; [...]не разумеются ли под словом «мертвые души» больные, умершие в значительном количестве в лазаретах...* [2, с.187]; ...*Чиновники [...] даже похудели от этих забот и тревог* [2, с.191]. Интересно, что страх, ужас вызывает быстрое движение по необъятным просторам Руси: ...*И что-то страшное заключено в сем быстром мельканье...* [2, с.240]. Далее Гоголь говорит, что Русь, как несущаяся тройка, вызывает ужас: ...*Что значит это наводящее ужас движение?* [2, с.241]. Тревога может предстать как текст, создаваемый человеком: - *Вольно ж принимать все близко к сердцу!* - сказал Платон. *Ты выискиваешь себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги* [2, с.335].

Вербализуется в тексте поэмы и концепт *любовь*, хотя любви уделено в «Мертвых душах» немного места. *Любовь* предстает как способность души человека: *Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, - даже сомнительно, чтобы господя такого рода [...]способны были к любви...* [2, с.163]. *Любовь* может выступать как случай, в том числе и неприятный: *Случилось что-то вроде любви...* [2, с.262]; как процесс, который может быстро закончиться и который подобен свету: ...*И любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было перед ним блеснувший...* [2, с.264].

Как положительные, так и отрицательные эмоции выражаются в *смехе* и *слезах*. Непосредственное выражение чувств – тоже признак молодости человека: *Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно...* [2, с.107]. Печали и радости в человеческой жизни переплетаются: *Везде поперек каким бы ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж со всей упряжью...* [2, с.89] (радость в данном контексте, как и во многих других случаях, олицетворяется). Поэтому смех может принимать иной характер: ...*Еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей...* [2, с.57]. Смех тут предстает как одушевленное существо. У Н.Гоголя смех и слезы взаимосвязаны: ...*Сквозь видный миру смех и незримые, невидимые ему слезы* [2, с.129]. Смех бывает *громкий, звонкий*, переходящий в хохот, которого человек не может выдержать: ... *Слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождаемы таким громким смехом...* [2, с.167]; *Здесь Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким заливаются только свежий, здоровый человек...* [...] – *Ой, пощади, право, тресну со смеху!* [2, с.65].

Итак, в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души» вербализуются различные чувства, причем сочетаются и противопоставляются положительные и отрицательные эмоции. Анализ глагольной и адъективной сочетаемости существительных, называющих концепты, показывает, что часто чувства предстают как одушевленные существности, которые действуют независимо о воли человека; могут предстать как объект манипуляций человека, как процесс, как текст и т. п. Н.Гоголь широко употребляет эпитеты и сравнения, в том числе развернутые.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А.Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
- 2 Гоголь, Н.В. Мертвые души: Поэма / Н.В.Гоголь. – М.: Финансы, 1980. – 382 с.
- 3 Мельникова, О.Н. Когнитивная лингвистика: Курс лекций для студентов филологических специальностей вузов / О.Н.Мельникова. – Гомель: ГГУ им.Ф.Скорины, 2006. – 120 с.